

— Взгляд сквозь годы

Бессмертие

Г. Мещеряков
ТРУД

80 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. А. ОСТРОВСКОГО

Его имя известно ныне всем. Его героическая жизнь — пример для молодого поколения. Его романы «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей» вошли в золотой фонд советской литературы.

В апреле 1932 года журнал «Молодая гвардия», где я работала секретарем редакции, начал печатать роман никому тогда не известного автора Н. Островского «Как закалялась сталь». С тех пор Николай Островский стал другом нашего коллектива. Вскоре началась моя переписка с писателем, который жил в это время в Сочи. По мере возможности я обеспечивала его бумагой — в те годы она была дефицитом. Лето 1934 года. Я, студентка второго курса Полиграфического института, отпуск свой провожу в Гаграх, а на обратном пути редакция поручила мне ехать к Николаю Островскому в Сочи.

С восторгом приняла я такое поручение. Ведь личное знакомство с ним было моей давней мечтой.

И вот я в Сочи. С волнением открываю калитку дома № 47 по Ореховой улице. Меня встречает мать писателя — Ольга Осиповна — и ведет в сад, где лежит Николай. Я очень волновалась: как произойдет встреча с человеком, которого считают идеалом, которому подражают. А вышло все очень просто. Мы поздоровались так, словно недавно расстались. Я увидела открытые, живые и блестящие, но, увы, невидящие глаза, большой лоб, мягкую улыбку. Николай лежит на кровати в большом саду. Здесь тихо, спокойно, легко дышится.

— Соня, протяни мне руки, — обратился ко мне Коля.

Он их долго ощупывает своей исхудавшей, слегка двигающейся левой рукой.

Я рассказала Коле о себе, о нашей редакции, о комсомольцах моего коллектива.

— Читали ли ваши комсомольцы «Как закалялась сталь», — спросил меня Николай, — и что говорят?

— Книгу читали, конечно, все, и, хотя официального обсуждения не было, все пришли к выводу — она должна стать настольной книгой молодежи.

Наконец настала моя очередь расспросить Колю о его жизни. Он подробно рассказал мне о своем «колхозе»: о родителях, жене Рае, брате Дмит-

рии, сестре Екатерине. Их семья была дружной, крепко спаянной.

— Коля, над чем ты сейчас работаешь?

Он ответил, что занят учебой, особенно изучением исторической литературы об отношениях с Польшей в 1918—1920 годы.

С тех пор прошло полвека, но эта встреча врезалась в мою память навсегда.

Публикация «Стали» Николая Островского на страницах журнала «Молодая гвардия» вызвала небывалый поток писем в нашу редакцию. В журнале ввели даже новый раздел «Н. А. Островский». Но, конечно, мы могли печатать лишь незначительную часть почты.

Приведу небольшой отрывок из одного письма: «Николай, братишка! Пишет тебе незнакомый слесарь Краснодарского депо. Уже пять часов утра, а я всю ночь читал про твоего Павку... Не думай, что если я не спал всю ночь, а мне в шесть утра на работу, то я буду там носом клевать. Нет, я буду работать вдвое, втрое лучше. Этому меня научил твой Павка».

Первый роман начинающего писателя сразу завоевал всеобщее признание. Голос пламенного патриота-бойца зазвучал по всей стране и за ее пределами.

2 октября 1935 года мы все узнали радостную и волнующую новость. «Правда» сообщила о награждении Николая Алексеевича Островского орденом Ленина.

Когда в декабре 1935 года он вновь поселился в Москве, я смогла часто навещать его в доме на улице Горького. Оказалась свидетелем титанической писательской работы, которой загрузил себя этот прикованный к постели слепой человек. К тому же внимательно следил за литературой, успевал слушать музыку, вел большую переписку, принимал друзей...

Помню его лежащим на кровати в гимнастерке, закутанным по пояс одеялами. Длинные тонкие пальцы еле-еле шевелятся, точно разговаривают между собой.

Я читаю Коле последние письма читателей. Все пишут, что ждут его нового романа. Рука Николая дрогнула.

— Жаль, что я завишу от своих помощников. Они и так трудятся со мной почти в две смены, а мне бы третью в самый раз. Я обязан торопиться и работать больше, чем кто бы то ни был.

В то время он напряженно работал над романом «Рожденные бурей», первая часть которого была напечатана в седьмом — десятом номерах журнала за 1935 год. Когда его спрашивали о дальнейших планах, он отвечал:

— Не задавайте мне таких вопросов. А то я разверну перед вами такую фантастику желаний, что вы будете ошеломлены. Хочу написать книгу для детей. Затем фантастический роман, а затем книгу «Счастье Корчагина».

Настоящая дружба связывала Николая Островского с руководителями нашего журнала Анной Александровной Караваевой и Марком Борисовичем Колосовым, которые оказались первыми, кто поддержал никому не известного, начинающего писателя и помог тяжело больному, прикованному к постели автору опубликовать роман «Как закалялась сталь».

При встречах с Николаем я, конечно, жадно впитывала каждое слово, отчетливо слышу его глуховатый голос до сих пор.

— Ты понимаешь, Соня, — говорил он, — писатель — это кузнец, причем особого рода. Его герои должны быть выкованы так, чтобы им не страшны были ни буря, ни гроза. Я радовался и страдал вместе с героями каждого своего романа. Сколько раз ночами — дня мне было мало — я с ними беседовал, прислушивался к их голосам! В ночной тишине особенно хорошо делать такую поверку...

— Запомни, есть прекрасное существо, у которого мы всегда в долгу. Это — мать...

— Знай, нет ничего радостнее труда...

В эти дни Николаю Алексеевичу Островскому исполнилось бы 80 лет. Я пытаюсь представить Николая пожилым человеком, но вообразить этого не могу. Зато совершенно отчетливо вижу книги, которые он мог написать за все эти годы.

Невольно вспоминаются слова А. И. Герцена: «Книга — это духовное завещание одного поколения другому». Николаю Островскому удалось оставить такое завещание — не только своими яркими, самобытными и глубоко партийными романами, но и своей короткой героической жизнью человека огромного мужества, кристальной ясности мысли и редкой душевной красоты.

С. СТЕСИНА.

29 СЕН 1984